

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТ «ЧУДО» В РОЖДЕСТВЕНСКОМ РАССКАЗЕ
(на примере сборника «Рождественское чудо»)© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

Статья посвящена концептуальному подходу, используемому в литературоведении для отражения писателем и восприятия читателем целого комплекса понятий, смыслов, образов, символов, составляющих концепт «чудо». Выбор данного концепта был продиктован названием сборника произведений «Рождественское чудо» (2016), художественным замыслом писателей и жанровыми признаками рождественского рассказа. Рассматривается семантика слова «чудо» в философском, православном, толковом словарях, анализируется воплощение концепта в ряде рассказов сборника на мотивном, сюжетно-композиционном, образном уровнях текста. Современным писателям важно было показать эмоциональное и моральное воздействие чуда на окружающих, на пробуждение в душе человека веры в Бога, любви, доброты и сострадания к ближнему.

Ключевые слова: концепт; чудо; рождественский рассказ; вера; божий дар; чудесное преобразование; радость; спасение.

Важную роль в исследовании произведений литературы и искусства играет выделение комплекса художественных концептов, в которых закрепились представления человека об окружающем мире и о своей собственной природе. По этому поводу Д. С. Лихачев писал: «...особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)» [1, с. 156]. Художественный замысел писателя, идея произведения, образная система, эмоционально-оценочные средства — все это в целом формирует концепт в литературе. Феноменом эмоциональной сферы человеческого восприятия мира можно считать чудо, рассматриваемое нами как концепт.

Обратимся к словарным статьям, объясняющим данное явление. Так, в философском словаре дано следующее определение: «Чудо (лат. *miraculum*) — необычное событие, которое трудно объяснить, противоречащее естественному ходу вещей и приписываемое верующими людьми вмешательству сверхъестественных сил (Бога)» [2, с. 405].

«Чудо» относится к одному из главных концептов церковной культуры. В православном словаре говорится, что чудо — это «сверхъестественное непостижимое событие, нарушающее известные законы природы и случающееся как проявление всемогущества Бога (обычно в ответ на усиленную молитву, соприкосновение со святыней и т. п.)» [2, с. 266]. Из этого определения становится понятно, что концепт «чудо» входит в более крупные концепты — «Бог» и «Вера».

В словаре В. И. Даля выделено два значения слова «чудо»: «1. Всякое явление, которое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. Здесь чудо понимается как акт Божественного деяния: «Богу все чудеса доступны», «Христос являл чудеса, исцелял чудесами». «2. Диво, необычная вещь, явление

или случай. В этом значении чудо — результат деятельности человека: “Каким чудом ты здесь оказался?”» [4, с. 795]. То есть отмечается двойственная природа чуда.

Чудом можно назвать любое явление, которому удивляется человек: это может быть редкое явление природы или что-то сотворенное человеческими руками и разумом. Чудо может пониматься и как некий знак, посланный свыше, как знамение, например, солнечное затмение в древнерусском тексте «Слово о полку Игореве». Чудо редко в своем проявлении, случается нечасто, поэтому остается в памяти надолго. Оно необычно по своей природе и воздействию на человека, необъяснимо до конца с точки зрения обычных бытовых событий.

Интересно, что в «Словаре синонимов русского языка» отсутствуют синонимы к слову «чудо» в значении «проявление божественного». А к слову «диво» как «необычная вещь» синонимический ряд подобран: «диковина, невидаль, невидальщина», т.е. в данном ряду отсутствует божественность проявления чудесного [5].

Подходя к культурным концептам с точки зрения логического анализа языка, С. А. Никитина указывает на то, что через понятие «чудо» бывает выражена эмоционально-интеллектуальная оценка события, явления, предмета, где высшая степень изумления / удивления может перейти либо в ужас, либо в восторг и восхищение [6, с. 34]. Чудом можно восхищаться, ему можно радоваться, оно может приносить счастье и быть полной противоположностью: вызывать ужас, страх, неприятие чего-либо. В этом проявляется эмоциональная сторона концепта.

В. И. Карасик рассматривает «чудо» как один из культурных концептов и выделяет в его значении такие же компоненты: «нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение». Исследователь обращает внимание на то, что «фрейм чудесного явления строится как образ ситуации, в центре которой находится очевидец, переживающий реальность необъяснимого явления» [7, с. 11, 15].

Рассматривая концепт «чудо» на конкретном литературном материале, остановимся на том, что понимается под чудом, в чем оно проявляется и какое воздействие на окружающих производит. В Библии, житиях святых и мучеников, сказках и легендах проявление чуда представлено как должное, оно не бралось под сомнение, не требовалось доказательств его существования.

Жанром, получившим свое распространение в XIX в. и отразившем идею чудесного преображения, является рождественский рассказ. Истинная вера человека в Божественную сущность способна сотворить в душе человека самое настоящее чудо. Именно так происходит в рассказах Н. С. Лескова «Жемчужное ожерелье», «Христос в гостях у мужика». Традиция данного жанра была сохранена в XX в. и продолжена писателями XXI столетия.

К жанру рождественского рассказа в 1990–2010-х гг. писатели обращались достаточно часто, например, Д. Быков в рассказе «Девочка со спичками дает прикурить», И. Клех — «Рождество в третьем Риме, или Чудо о снеге», Н. Ключарева — «Юркино рождество», О. Павлов — «Конец века», Л. Петрушевская в сборнике «Котенок господ бога. Рождественские истории», В. Токарева в «Рождественском рассказе», Л. Улицкая в новелле «Капустное чудо» и многие другие. В 2016 г. вышел сборник рассказов «Рождественское чудо», в котором авторы

изобразили рождественские события как чудесные. Произведения неравнозначны по своим художественным достоинствам, но концепт «чудо» в них явственно представлен.

Прежде всего, концепт «чудо» объясним как Божественное деяние, Божий дар, необычный случай. При его раскрытии выделяется несколько составляющих: суть самого чуда, в чем оно состоит; тот, кто его осуществил или осознал произошедшее как чудо; хронотоп (время и место) осуществления чуда; его воздействие на окружающих или результат.

Так, в 14 рассказах из этого сборника само слово «чудо» встречается 7 раз и представлены производные от него: «чудачество», «почудилось», «чудок», «чудно», «чудесный», «чудный». Кроме того, о чуде говорится через смежные описания по значению: «что-то чрезвычайное»; «невероятное»; «то, чего у меня нет, но очень нужно»; «по вере вашей будет вам»; «просто фантастическое происшествие». Важным является и смысловое наполнение концепта: в каждом рассказе происходит главное рождественское событие — возрождение или обновление человеческой души, которое также соотносится с областью чудесного преобразования.

В отрывке из повести Олеси Николаевой «Ничего страшного...» изображается судьба двух молодых людей, которые создали семью после страшного происшествия. Грабители связали их спинами друг другу, поместили в ванну, открыли воду, заткнули сток и ушли. Осознав всю нелепость ситуации, герои единодушно решили, что будут вместе молиться и стали петь: «Два ангельских гласа вдохновенно зывали к небесам. “Заступнице усердная...” — раздавалось из ванной. “Богородице Дево, радуйся!” и даже “Во Иордане крещающуся Тебе, Господи!”» [8, с. 198]. Рассказ имеет счастливый финал: соседи спасли девушку и юношу, который после этой истории стал священнослужителем одного из московских храмов.

В рассказе несколько раз использовано слово «чудо» [8, с. 186] и производные от него: «чудесно» [8, с. 197], «чудный» [8, с. 200], чудесное спасение определено как «такое невероятное, что в него даже трудно поверить» [8, с. 187]. Повествователь считает, что такое событие, благодаря чудесной основе и нравоучительному смыслу, и отражает черты жанра рождественского рассказа. С другой стороны, ничего сверхъестественного не происходит, молодые люди спасены, чтобы понять, как они любят друг друга и смогут вместе пройти свой земной путь, сохраняя веру в Бога.

Иначе выстраиваются события в рассказе «Звездой учухся» Виталия Каплана. Остро драматичен его сюжет: взрослый сын обретает своего отца. Герой рассказа Михаил Николаевич после рождественской утрени (ночной службы) возвращается домой пешком. Встреча с незнакомыми людьми, проезжавшими по пустынной улице на джипе, оказалась чудом, в которое вначале герой поверил и обрадовался, а потом испытал ужас. В дороге завязался разговор о вере, о Боге и спасении, и ответы верующего человека были восприняты бандитами резко негативно. Всю боль за социальную несправедливость, свои личные обиды они возложили на Бога. С этого момента как будто бесовское начало вселяется в сознание этих героев, особенно их бригадира. Главарь бандитов потребовал остановить машину и подвесить Михаила Николаевича на дереве: «Типа богословский

эксперимент. Спасет тебя твой Христос или как? ...Ты же веришь в Него? Ты ж Его любишь? Ну, вот Он тебя и выручит. Уж не знаю как. Типа там огненная колесница или ангелы... как там у вас полагается? А если нет... значит, и Бога никакого нет.... Зато послужишь науке» [8, с. 71]. Блатные сняли с него куртку и повесили на дереве, как на дыбе.

Концепт «чудо» представлен в рассказе в своей амбивалентности: чудесное проявление милосердия — богоугодное дело (подвезти человека в рождественскую ночь) переходит в чудовищное испытание — бесовское искушение (подвесить на дереве без верхней одежды в мороз).

Интересно, что подобные действия бригадира герой-рассказчик называет «чужачеством» [8, с. 64], вкладывая в это слово ироничную окраску, но не видит в производимом ими действии трагедии. Происходит наполнение концепта отрицательной эмоциональной окраской, действия бандитов вызывают страх, ужас, пугают, свидетельствуют о полном духовном одичании героев. Однако по законам жанра рождественского рассказа, должно настать перерождение души, обретение веры, поэтому сюжет изменяется: водитель джипа — Костыль узнает из данных в паспорте, что подвешенный ими человек — его родной отец. Он разворачивает машину и едет спасать родного человека. «Папа, ну продержись, я быстро! — На глаза наворачивались давно забытые слезы. — Господи! Значит, Ты и вправду есть? Ну помоги ему...мне...нам...» [8, с. 81]. Чудесное обретение отца заставляет героя поверить в бога и надеяться на спасение, т.е. происходит прозрение, и концепт «чудо» обретает семантику «проявление божественного спасения».

Жанровые каноны выдержаны в традициях святочного или рождественского рассказа. В произведении изображен резкий конфликт между религиозным сознанием, готовым к смирению, и безбожным поведением бандитов, считающих себя богами земными, «право имеющими» казнить и миловать. Еще одной чертой рождественского рассказа является неожиданный финал, показывающий перерождение души одного из персонажей. Концепт чуда реализуется в его понятийном представлении: чудесное перерождение происходит в душе циничного и расчетливого бандита, сумевшего сохранить светлые детские воспоминания об отце.

Обратимся к еще одному рассказу, героем которого является ребенок. В основе сюжета Натальи Ключаревой «Юркино Рождество» конфликт отцов и детей: герой, родители которого спиваются, вынужден бороться с ними за свое выживание. Характер Юрки, так зовут мальчика, позволяет справиться со «свинцовыми мерзостями жизни». Локализация концепта чуда происходит через мотив «почудилось» [8, с. 115], в смысле — поверилось. Герою-ребенку захотелось поверить, что спившаяся мать сможет купить ему на рождество елку и у него будет настоящий новогодний праздник. К сожалению, этого чуда со стороны деградировавших родителей не происходит, и тогда 11-летний сын начинает с ними бороться, выгоняет их из квартиры и живет самостоятельно.

Однако рассказ на этом не завершается, автор вводит прием антитезы и происходит перемена декораций через удвоение сюжетного признака рождества. Теперь взрослый сын дарит матери, находящейся на лечении в психиатрической больнице, рождественскую елку, которую она когда-то пообещала купить ему,

но не сдержала своего слова. Теперь на елку восторженно, как ребенок, смотрит его мать и жизнь начинает наполняться светом. Вместо слова «чудо» вводится заменяющая конструкция «что-то чрезвычайное» [8, с. 127], позволяющая понять, что чудо в душах героев все же произошло.

Мотив восстановления семьи, разрушенных родственных связей реализуется в сумасшедшем доме, куда попадает мать Юрки, допившаяся до белой горячки. Она не узнает в сыне родного человека, считает, что ее навещает чужой молодой человек, и предлагает ему стать сыном, на что герой соглашается. Понятия «мать-дитя», «взрослый-ребенок», «свой-чужой» меняются местами, обостряя трагизм, с одной стороны, и показывая, что любовь и сострадание всегда живут в сердцах близких людей — с другой.

Таким образом, становится понятно, что Н. Ключарева предлагает оригинальное решение вечной проблемы добра и зла: «...некогда совершенное зло прорастает иррационально, вне ожидаемой логики, прорастает добром» [9, с. 28]. А проявления иррационального, нарушающего логику, относятся к чудесному. Любовь, которую сумел сохранить в душе сын, преобразуется в чудо. В. Н. Топоров в работе «Миф. Ритуал. Символ. Образ» обращал внимание именно на такой смысл чудесных явлений: «Таинство чуда выше закона возмездия — Кармы, а любовь — высшее чудо, она дает бескрылому крылья» [10, с. 418]. Чудо нельзя логически объяснить, рассчитать, спрогнозировать, оно не поддается анализу, контролю, волевым решениям, поэтому повзрослевший сын в рассказе «Юркино рождество» все же возвращается к потерявшей память матери.

Символично название рассказа Алексея Солоницына «Маленькой елочке холодно зимой...». Его герой Коля Лепешкин — подросток, который стремится стать хоккеистом, но ему приходится бродяжничать, ночевать в подвалах, сараях, собачьих будках, скрываясь от дебошира-отца. Свое рождество мальчик встречает вместе с брошенным псом Диком в его сарайчике. В поэтику рассказа вводится мотив сна. Герою снится старец Николай, который приводит его на каток: «...перед ними открылся сверкающий серебром каток, а на нем много мальчишек и девчонок, и все легко скользят вокруг огромной елки, усыпанной огнями и белыми светящимися шарами» [8, с. 223].

А. Солоницын практически повторяет мотив рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», когда его безымянный герой тоже засыпает за поленицей дров и попадает во сне на праздник рождества Христова. Но современный автор меняет финал рассказа, придавая ему черты чудесного. Появление святого Николая, угодника Божия, в честь которого и был назван мальчик, оборачивается приходом реального человека — Николая Николаевича Павлова, который спасет ребенка. Когда мальчик открывает глаза, то видит елку и икону. «На иконе был изображен тот самый дедушка, который спас его от контролеров в электричке и который привел его на необыкновенный каток» [8, с. 229]. Чудо рождества свершилось, Коля спасен от смерти, а семья Павловых, совершив этот поступок добра и милосердия, спасает свои души. Отец семейства Николай Николаевич показывает пример добродетельного поведения своим детям.

Автор в рассказе намеренно дает героям одно и то же имя: мальчика-страдальца зовут Коля, старца зовут Николаем, спасителя тоже Николаем Николаевичем, и на иконе изображен Николай Чудотворец, один из самых почитае-

мых святых в православии, прославившийся как великий Угодник Божий. Известно, что именно этот Святой помогал бедствующим людям, спасал в кораблекрушениях, освобождал пленных, избавлял от смерти, исцелял от болезней. Его божественное присутствие в рассказе оказывается оправдано, а само произведение полностью соответствует канону рождественского жанра. Интересно, что в рассказе ни разу не использовано слово «чудо», но все произошедшее можно объяснить только как божественное деяние, необычайный случай.

В сборнике «Рождественское чудо» представлены рассказы, где героем также является ребенок: «Голуби» Веры Евтуховой, «Черепашка» Владимира Гурболикова, «Бабочка» Елены Седовой. Авторы обращают внимание на детскую чистоту души, искренность помыслов и спасительную силу именно детской молитвы. Так, мальчик в рассказе Веры Евтуховой искренне признается: «Я молюсь и кормлю голубков, чтобы у Боженки было время вылечить моего дедушку!». На что героиня-рассказчица замечает: «Мне нечего было сказать этому маленькому воину Христову с такой большой верой в душе» [8, с. 16]. Концепт «чудо» не раз лексически обозначен в рассказе, автор завершает его очень точной формулой: «Ведь самое настоящее чудо рождества — то чудо, которое происходит в человеческом сердце» [8, с. 16].

Весь сборник в целом пронизан важным определением, в котором проявлено значение концепта «чудо». Его значение высказал протоиерей Константин Пархоменко в предисловии как «чудо исцеления души, чудо духовного возрождения» [11, с. 9]. Под чудом авторы сборника понимают что-то невероятное, фантастичное, но произошедшее в действительности, что-то, чего не могло быть, но осуществилось. Ко всем рождественским историям сборника применимы слова из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (кн. 3, гл. III).

Таким образом, в рождественских рассказах, представленных в сборнике «Рождественское чудо» данный концепт выражен как на лексическом уровне, так и на событийно-содержательном. Для писателей важно не столько назвать чудо, сколько показать его положительное воздействие на окружающих, выраженное в динамике, движениях человеческой души. Чудо исходит не от неведомых сверхъестественных сил, а от самого человека, его веры в Бога, его способности проявить добро, любовь и сострадание к ближнему.

Литература

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. Москва, 1997. С. 147–165.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. Москва: ИНФРА, 2006. 574 с.
3. Словарь православной церковной культуры / сост. Г. Н. Складеревская. СПб.: Наука, 2000. 278 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: АСТ, 2001. 992 с.
5. Словарь синонимов русского языка. Ленинград: Наука, 1975. 648 с.
6. Никитина Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва: Наука, 1995. С. 117–123.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 519 с.

-
8. Рождественское чудо. Рассказы современных писателей. М.: Никая, 2016. 240 с.
 9. Кучина Т. Г. Русская литература 2000-х годов на уроке литературы в старших классах // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы. Ярославль, 2010, с. 28.
 10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М.:, 1995: 418.
 11. Пархоменко К. Чудеса сегодня. Предисловие к сб. Рождественское чудо. Рассказы современных писателей. М.: Никая», 2016. 240 с.

THE CONCEPT OF “MIRACLE” IN A CHRISTMAS STORY ON THE EXAMPLE
OF THE COLLECTION “CHRISTMAS MIRACLE”

Elena P. Beryozkina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.

Dorzhi Banzarov's Buryat State University

E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

The article reviews the conceptual approach used in literary criticism to reflect on the writer and the reader's perception of the whole complex of concepts, meanings, images, symbols that make up the concept of “miracle”. The choice of this concept was dictated by the title of the collection of works “Christmas Miracle” (2016), the artistic intent of the writers and the genre signs of a Christmas story. Having started from understanding the word “miracle” in several dictionaries, the author proceeds to consider it as a concept in a number of short stories of the collection, relying on the linguistic expression in the word “miracle” and cognate words, analyzing in more detail its implementation on different text levels: motivational, plot-compositional, figurative. It is important for modern writers to show the emotional and moral effects of a miracle on others, on the awakening of a person's soul, faith in God, love kindness and compassion for one's neighbor.

Keywords: concept; miracle; Christmas story; faith; God's gift; miraculous transformation; joy; salvation.